

Неиграющий тренер

НГ Exli'vzi's (прил.к. Независимой)

Рязанцева Наталья

2006. — 25 мая. — с. 2, 8

Наталья Рязанцева: «Воспоминания — 25.05.06,

это такая прорва!»

Наталья Борисовна Рязанцева — кинодраматург, писатель, преподаватель сценарного мастерства во ВГИКе. Написала сценарии к таким кинокартинам, как «Крылья», «Долгие проводы», «Чужие письма», «Голос», «Портрет жены художника» и др.

Она работала с Ларисой Шепитько и Кирой Муратовой, писала с Валентином Ежовым, была замужем за Геннадием Шпаликовым и Ильей Авербахом, слушала домашние выступления Александра Галича и Булата Окуджавы. В ее сборник «Не говори маме», выпущенный издательством «Время», вошли документальные рассказы и очерки обо всех этих людях, а также о ее московском послевоенном детстве, о ВГИКе 50-х, о том, как люди творили и любили, и о том, как мучились и от первого, и от второго...

— Как составлялась книга «Не говори маме»? Ведь в нее вошли тексты, написанные в разное время...

— Конечно, эта книга — собранная. И ее было непросто собрать... В конце концов мне пришлось первую часть просто рассказать. Она недаром называется «Слово за слово». Это потому, что она, в сущности, не была написана — она была рассказана. И рассказана она была почти вынужденно. О Шпаликове ведь очень много делалось интервью, а об Авербахе — две картины. Но и в интервью, и в фильмах очень многое путали. И мне стало понятно, что я должна рассказать всю правду, какую только могу, — как говорится, если не я, то кто же. И вот среди моих студентов сценарного факультета ВГИКа нашелся Алеша Сашин, который и книжки читает, и прошлым интересуется. И вот мы с ним сели, и я ему все рассказывала и рассказывала... Ну, не все, конечно... А потом я записанное сильно редактировала, но все равно видно, что это не последовательный рассказ, а живая беседа, заметен разговорный язык. Ну а молодых, конечно, в первую очередь интересуют рассказы про любовь, поэтому про любовь пришлось рассказывать довольно много. Но весь ужас подобных книг заключается в том, что чем больше вспоминаешь, тем больше остается...

— За каждым воспоминанием тянется что-то еще?

— Да, именно тянется... И происходит даже какая-то нервотрепка. И этого я не рассказала! И это я не рассказала! И это я не рассказала! Оказывается, что я очень многое забыла рассказать!..

Ну а про детство я писала для сборников. Готовился целый сборник с рассказами про детство, и меня попросили для него что-нибудь написать. Так было написано несколько рассказов...

— А рассказ «Самозванка»? Он входит в первую часть, но это явно новелла...

— «Самозванка» была написана совсем давно. Этот рассказ был напечатан в юбилейном номере журнала «Искусство кино» и назывался «Далеко от Москвы». После этого его несколько раз перепечатывали. И в Америке он выходил в русской газете, и вот в этом самом сборнике Детского фонда — там я его уже и назвала «Самозванка». Он вообще мне нравится — это такой короткий рассказ, но очень емкий. Из него и про время, и про меня можно очень много узнать...

— Значит, кроме «Самозванки» вся первая часть книги — это запись бесед с Алексеем Сашиним?..

— Большая часть. Хоть вот история «Папаня и Коза» тоже очень старая. Я ее много раз рассказывала — и всем своим студентам, и даже на юбилее Масленникова. А потом решила ее все-таки записать, и ее поместили в журнале «Искусство в школе». У меня была идея написать книгу с названием «Ошибки, которые всегда с тобой» — даже предисловие написала... Это должен был быть такой учебник, составленный из разных случаев и поучительных историй, которые обычно я рассказывала своим студентам. Но потом я эту историю отвергла, потому что если все записать, то потом уже рассказывать будет скучно и неловко.

— А как бы вы сами определили жанр вашего повествования? Что это — проза, воспоминания? Ведь, с одной стороны, в их основе реальные события, с другой — все они глубоко поэтичны...

— Недаром мы придумали книге такое длинное подназвание. Ведь основное название дано по одному из произведений сборника. Но у него есть большой подзаголовок: «...и другие рассказы о романах, своих и чужих, а также воспоминания, статьи, интервью кинодраматурга Натальи Рязанцевой». Мы долго думали, как это все скомпоновать в названии, чтобы никого не обманывать. Потому что все произведения, собранные в книге, написаны в разных жанрах... Так, воспоминания, собранные в главе «Вечера памяти», все были ранее напечатаны в каких-то журналах или сборниках и всегда — по какому-то не веселому поводу. Эти вещи специфические — в них много забавного не расскажешь. Все они — о людях, которые уже умерли. Это почтительные работы. Из своих статей я выбрала примерно половину. И еще я сразу решила, что книжка будет без драматургических произведений — мы поставили в нее только один сценарий «Акмэ», самый короткий...

— А почему именно его? Я думаю, это не единственный ваш сценарий...

— Конечно, их много. Но они либо очень длинные, либо в них что-то нужно доделывать. Ведь сценарий — всегда вещь несо-

Молодых интересуют рассказы про любовь, поэтому про любовь пришлось рассказывать много

вершенная, он доделывается до самого конца работы над картиной. Я бы не стала печатать свои сценарии. Хотя когда-то была такая идея, в издательстве «Искусство» составили даже план, потом началась перестройка, все поменялось... И больше я этим не занималась.

— Сценарист Эдуард Володарский как-то мне в интервью сказал, что сценарий всегда устаревае, а проза нет. То есть старые романы можно печатать без правок, старые сценарии всегда нужно основательно переделывать, если хочешь поставить новый фильм...

— Я думаю, что все зависит от того, какой сценарий и какая проза. Сценарии устаревают, если они привязаны к реалиям жизни. Например, у меня есть сценарий, написанный в 80-е годы, — в нем много проблем, связанных с телефоном. Такая типично московская история — всех расселили в разные районы. А сейчас у всех мобильные телефоны! Так что эту историю, хоть в ней и много интересных образов, в современность уже перенести невозможно. Надо ставить в стиле «ретро»...

Неиграющий тренер

<< ОКОНЧАНИЕ НАЧАЛО НА СТР. 1

— А как вы отнеслись к фильму по сценарию Геннадия Шпаликова «Причал», поставленному не так давно?

— Я его не видела. Я знаю, что режиссер сам им не доволен. Он меня встретил во ВГИКе, дал свой сценарий, у меня были какие-то замечания, но он потом мне даже не позвонил. Фильм все ругали, и я решила его даже не смотреть.

— Выходит, это кино даже не по сценарию Шпаликова, а по его мотивам?

— Да, режиссер все переделал. Потому что этот сюжет не годится для современной переделки.

— Вы думаете, что непоставленные сценарии «шестидесятников» уже нельзя поставить?

— По-разному. Тогда же не все писали про современную им жизнь. Это я писала про современность. А вот, например, сценарий «Владычица», который написал Владимир Войнович, а Лариса Шепитько собиралась снимать, годится на все времена. Там дело происходит Бог знает в каком веке, в северной деревне. Если бы кто-то захотел, то его и сейчас можно было ставить в том же виде.

— Но мы же снова и снова пересматриваем и «Я шагаю по Москве», и «Заставу Ильича», и другие фильмы о том времени... Почему сейчас о нем нельзя снимать? Или вы думаете, что молодые кинорежиссеры не смогут почувствовать специфику тех лет?

— Некоторые любят восстанавливать на экране ту жизнь. Хотя это очень трудно — восстанавливать на экране недавнее время. Давнее время восстанавливать легче...

— Я недавно посмотрел фильм «Русское» по произведениям Лимонова. По-моему, в нем очень хорошо были воспроизведены те самые 60-е годы, хотя делали это довольно молодые люди...

— Да, там старательно восстанавливали время и даже этим, на мой взгляд, слишком увлеклись. У Александра Велединского много сил ушло на то, чтобы быть точным в деталях. Но поскольку, во-первых, это фильм по Лимонову, а во-вторых, главный герой

для меня непривлекательный и при этом идеализированный, я этот фильм не полюбила. Хотя он сделан очень профессионально, и многое мне понравилось — особенно женские сцены...

— Вам не понравилось, что главный герой — наполовину шпана? Не понравилось то, что в газетах называется «романтизация преступности»?

— Нет, мне не понравилось то, что он ощущает себя совершенно особенным, изначально страдает манией величия.

— Но это, наверное, свойственно каждому пишущему человеку — он же еще и поэт!

— За всем этим стоит внушительная фигура Лимонова, а вообще я не приемлю его способ жизни и существования — особенно его теперешнюю деятельность. Хотя сначала я его очень оценила как прозаика. Но теперь даже не читаю — мне это неприятно...

— А как вы сейчас — полностью на «тренерской работе»? Или пишете новые сценарии?

— Я — «неиграющий тренер». Кинодраматургия — это дело молодых. Для нее нужны мозги шахматиста. В шахматах ведь тоже очень рано переходят на тренерскую работу...

А воспоминания — это такая прорва! И писать их настолько легче, чем сценарии, что просто пиши — не хочу. Это как дневник писать, как письма, не то что сценарий выдумывать — калечить мозги...

— Вы собираетесь еще что-нибудь писать о Шпаликове?

— Нет, к этому я уже возвращаться не буду. Есть много других воспоминаний, только им нужно найти какую-то форму...

— А проза?

— Проза — это другое дело. У меня есть несколько сюжетов, которые написаны в виде заявок, когда-то я мечтала написать об этом сценарии, но они так до сих пор плавают в голове, иногда обрастая чем-то. И вот если хотя бы один из них перестанет плавать, остановится, то я напишу книжку — может, повесть, может, небольшой роман. Есть у меня три-четыре замысла, которые не отпускают.

Беседовал Андрей Щербак-Жуков